

РАССЛЕДОВАНИЯ ГРАФА ВИСЛОТСКОГО

ДВУХГОЛОВЫЙ ВСАДНИК

НАТАЛЬЯ
ЗВЯГИНЦЕВА

Расследования графа Вислотского

Наталья Звягинцева

Двухголовый всадник

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Звягинцева Н.

Двухголовый всадник / Н. Звягинцева — «Эксмо»,
2026 — (Расследования графа Вислотского)

ISBN 978-5-04-251586-6

В поисках уединения граф Николай Алексеевич Вислотский отправляется в родовое имение Белополье, надеясь оставить позади душную летнюю Москву и назойливое внимание княгини Рагозиной. Но покой оказывается недолгим: в усадьбе появляется странствующий сказочник, и вскоре одна из его жутких историй начинает сбываться, приводя к трагическим последствиям. Вислотский оказывается втянут в расследование, где за благополучием соседских усадеб скрываются старая вражда, ложь и вина. Однако тревожат графа не только чужие тайны. В собственном доме он находит одинаковые портреты покойного отца — портреты, различия между которыми будто скрывают зашифрованное послание. Пытаясь разрешить загадку прошлого, граф понимает, что происходящее в Белополье связано с ней куда теснее, чем кажется. Возможно, кто-то очень не хочет, чтобы правда была раскрыта.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251586-6

© Звягинцева Н., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наталья Звягинцева

Двухголовый всадник

© Звягинцева Н., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Дорога бежала меж заросших холмов, меж полей и зелёных лугов. Весело извивалась, словно молодая змейка, только вылупившаяся из яйца и тычущая своей слепой тупоносой головкой в разные стороны в поисках солнечного тепла. Дождя в это лето не случилось уж неделю, и оттого каждый шаг, сделанный по этой дороге, отдавался гулким сухим вздохом и выдохом облака сизой пыли, что пробиралась в нос вместе с травянисто-цветочными запахами и смешно щекотала.

По дороге смиренно шагал путник. На спине его болталась убогая котомка, такая, что ни один разбойник не позарится. На кривой тонкой шее раскачивалась морщинистая голова, а ноги, обутые в полуразвалившиеся лапти, мягко пружинили, выдавая бывалого ходока. Длинная белая борода разделилась надвое и трепетала, словно крылышки неведомой птицы. Звали странника Прокопием.

Запустив руку за пазуху, старик нащупал тяжёлый кошель и улыбнулся. Давненько у него не выдавались столь удачные дни, да что там дни, целые недели. Вот начать бы хоть с придорожного трактира, где сердобольный хозяин вместо того, чтобы выгнать старика взашей за то, что тот похлёбку схлебал, краюху хлеба сжевал да не расплатился, плеснул старику полчарочки медка да позволил в сухом уголке заночевать. Вот было удивительное дело! Сколько лет Прокопий землю топчет, а такое с ним впервые приключилось. Не чудо ли?

В благодарность за обращение принялся тогда старец трактирную публику потешать сказками разными. Надо добавить, что был он знатным сказочником, помнил небылиц столько, что месяц рассказывать будешь, а ни разу не повторишься. Так публика в том трактире за эти сказки старика в складчину целым рублём одарила. Вот и второе чудо!

Наутро же один из постояльцев Прокопия к себе поманил, да и говорит, что, мол, в десяти верстах на восход есть богатая усадьба, а в ней помещик живёт толстый да весёлый. Вот, говорит, иди туда, сказки свои ему расскажи и увидишь, что будет.

И пошёл, а почему б не пойти. Дорога она куда хочешь бежит, ей без разницы, в какую сторону. А как дошёл старик до того имения, так и третье чудо подоспело.

Барин и вправду затейником оказался, сразу смекнул, что сказочник – человек полезный. А Прокопий и рад стараться, для хорошего человека и не такое сделаешь. Как раз в ту пору был у барина полон дом гостей, и, чтобы их повеселить, выдумал барин с ними шутку сыграть. Вот старик-то ему и сгодился. Подучил барин его, какую сказку самой последней надобно рассказать, и за это пообещал награждение.

Все вышло наилучшим образом. Странник уж так расстарался – и голосом и всем своим видом знатную комедию сыграл, в этом уж он был мастер. Впечатление от сказа получилось отменное. А уж барыня так криком зашлась, что вышла за это старцу дополнительная полтина.

Вот ведь как бывает в жизни: один год яблочный получается – это, значит, урождается тьма этих яблок, незнамо, куда столько девать. А бывает год рыбный – путник сглотнул слюну – это, значит, в реках и озёрах пропасть рыбы плодится, хоть руками её оттуда вынимай, меньше не станет. А у сказочника, видно, этот год денежным выдался, вот ведь и такое на свете приключается.

– Ты, Прокопий, мне небом был послан, – барин похлопал тяжёлой рукою по спине старца, отчего тот пригнулся сильнее к земле, – и за это не поскуплюсь на оплату...

И вот, весело перебирая лаптями и поминутно проверяя тугой увесистый кошелёк, Прокопий шагал по сухой широкой дороге. Путь его нынче лежал в Белополье, деревню многолюдную и хлебосольную, опять же по слухам. Прокопий уж почитай лет двадцать скитался по Империи, да всё никак ей конца-края видать не было. Зато люди встречались разные, были плохие, были и хорошие, а вот равнодушные встречались редко. Всякий к старцу какую эмо-

цию испытывал: кто отвращение и раздражение от вида кривошеего оборванца, кто видел в нём божьего человека убогого, а кто цепким взглядом примечал бывалого хитреца, что мастак публику потешить, а после в дураках оставить.

Вот и выходило, что Прокопий везде кров и прокорм находил. Пусть под худую крышей да с миской пустых щей, но всегда встречался кто-то, готовый подать страннику полушку на милостыню.

Беззаботно улыбнувшись своим мыслям и ещё раз проверив кошель, Прокопий прибавил шаг. Вон уж и крайние избы вдали замаячили. Может, и здесь какое чудо его поджидает? Ох, хороша Русь-матушка, широка да привольна для всякого странствующего. Прокопий радостно припустил с пригорка. Жить сказочнику оставалось три дня.

Глава 1

Лето не задалось с самого его начала. И чего уж тут говорить, коли на протяжении всего мая, покуда это лето и не началось ещё вовсе, княгиня Рагозина, совершая свои ежедневные моционы, настолько укрепила здоровье, что дважды, а иногда и трижды в неделю принялась наезжать к графу Вислотскому с визитами. Поперву Николая Алексеевича это забавляло, насколько такое вообще было возможно. Но постепенно беседы со старой княгиней становились всё продолжительнее, а тон, с которым речи произносились, теперь походил скорее на начальственно-назидательный, нежели на дружеский.

Обращения сделались совсем уж неформальными. И кем только граф Вислотский не был – и добрым дружочком, и душечкой, и милым приятелем.

Теперь уж каждый приезд старой дамы делался для Николая Алексеевича страшной обузой, вызывая в нём раздражение и непривычное ему желание сбежать из собственного дома в тот момент, как его порог переступала костлявая старушечья нога.

Анна Павловна, напротив, сильнее входила во вкус и теперь с большим удовольствием покидала свой особняк «Мраморный слон», чтобы пригубить ароматного травяного настоя в графской гостиной. Разговоры здесь лились для неё приятные и, по её мнению, крайне полезные, развивающие не только чувственность натуры Вислотского, но и живость ума, коим природа его наградила. Да вот беда, лени в графе оказалось столько, что забросил он свои занятия. Даже профессоров университетских перестал приглашать для учёных бесед, ссылаясь на сильную свою и их занятость. Но в чём эта занятость состояла, Николай Алексеевич не удосуживался объяснить, хоть княгиня Рагозина спрашивала об этом не единожды.

– Лестно мне, Анна Павловна, видеть ваше столь участливое отношение к моей судьбе, да только не стоит об этом переживать, – ответ графа всегда был один и тот же, – занятий у меня хватает, а лень, о который вы взялись толковать, мне не по нраву, так и знайте.

– Коли так, любезный друг, – тут Рагозина обычно вздыхала, – я очень рада, и не будем больше об этом.

Но в следующий свой приезд Анна Павловна опять начинала об том разговор и опять обещала, что в последний раз. Старая княгиня, без сомнения, считала нужным принять участие в судьбе Вислотского, указать ему правильный путь и непременно направить туда, куда следует.

И чего таить, была у Анны Павловны идея, что не давала старухе покоя последнее время: хотелось ей незаметно для самого графа сделаться его главной наставницей и советчицей. Считала она, что пришло время графу вернуться на оставленную им по состоянию здоровья службу в столице. Несколько раз заводила она разговор, но всякий раз встречала лишь равнодушный взгляд Вислотского, не желавшего касаться этой темы. Однако сдаваться Рагозина не собиралась и, по-женски рассудив, что в этом деле нужна ей помощница, стала подбирать Николаю Алексеевичу добрую жену.

– Я уже слишком стар для таких перемен, – была первая реакция Вислотского.

Граф знал, что из-за хромоты выглядит старше своего возраста. А свойственное ему недовольное выражение лица и вечно нахмуренные брови добавляли ещё пару лет.

– Ну и пусть, Николай Алексеевич, – княгиня с энтузиазмом взялась уговаривать графа, – вот минул вам двадцать восьмой год, да и нет ничего дурного в этом. Вы же не барышня о возрасте переживать. Вид вы имеете самый представительный. Ваши манеры, коли вы сами того пожелаете, могут сойти за безупречные. Доходы же позволят не гнаться за приданым, – покровительственным тоном перечисляла Рагозина, будто не замечая того негодования, с которым граф всё это выслушивал.

Нынче расположились они у окна в голубой гостиной. Сидели за небольшим накрытым к чаю столом. В дальнем углу возле буфета неподвижно стоял дворецкий Фома Лукич, худой долговязый старик с примечательными усами. Он выпросил у графа разрешение самолично прислуживать ему и княгине во время их встреч, считая, что холопам нечего господских разговоров подслушивать.

Анна Павловна же продолжала уже не раз поднятую ею тему одинокого, а следовательно, бесполезного существования графа.

– Так что послушайтесь моего совета, подумайте, посчитайте да позвольте мне подобрать для вас партию. И помните, Николай Алексеевич, вы обязаны позаботиться и о наследнике, – закивала княгиня Рагозина, от чего оборки на её чепце заволновались. – Что бы сказал ваш батюшка Алексей Кириллович, коли был бы сейчас жив? Ведь других детей у него не было, а значит, вся ответственность за продолжение столь прославленного рода ложится на ваши, Николай Алексеевич, плечи.

Граф недовольно повёл этими самыми плечами, будто сбрасывая с них всё нежелательное, что планировала поместить туда старая княгиня. Подобные встречи непременно стоило прекращать, Вислотский это ясно понимал, ни к чему хорошему такие разговоры привести не могут. Поразмыслить об этом стоило, и как можно скорее.

Тем временем Анна Павловна с живостью, удивительной для её возраста, взялась припоминать всех незамужних барышень, что не составили партии в этом сезоне, а также тех, кто должны были сделаться дебютантками в грядущем. От перечисления их видных имён, коими снабдили их папеньки, и множества добродетелей, привитых им с самого их младенчества маменьками, у любого бы закружилась голова, но только не у Николая Алексеевича. Женский пол его интересовал лишь в той степени, в которой должно по этикету, а так как граф в обществе появляться не спешил, предпочитая оставаться в своём московском особняке, то интерес этот отсутствовал абсолютно. Графа это, безусловно, устраивало.

– Но следует поторопиться, мой друг, вы уже не столь здоровы, чтобы оттягивать это ответственное решение...

Упоминание о недуге заставило графа покоситься на чёрного дерева трость с литым массивным набалдашником в форме головы рычащего тигра, затем на неестественно вытянутую его левую ногу. «О какой женитьбе здесь можно говорить? Кому я такой нужен?» – Погрузившись в подобного рода невесёлые мысли, граф упустил нить разговора. Но следующее заявление княгини Рагозиной вернуло Николая Алексеевича к действительности и окончательно вывело графа из равновесия:

– А с вашим талантом отыскивать злодеев и душегубов, – Анна Павловна приняла решительный вид, – вы могли бы оказать мне услугу.

Рагозина выдержала паузу и, убедившись, что завладела вниманием графа, продолжила:

– Моя хорошая приятельница, между прочим, родительница четырёх незамужних дочерей, две из них будут дебютировать в новом сезоне, прехорошенькие барышни, рекомендую присмотреться... Так вот, о чём я говорила, эта моя приятельница подверглась странной напасти: что ни день, недосчитывается она серебряных приборов, причём только ножей. Уж велела она все имеющиеся в доме столовые приборы запирать на ночь в новый сундук. И самую верную служанку заставила на этом сундуке укладываться, мол, у неё сон чуткий. А всё равно случаются новые недостатки. Каждую ночь! И как тут не вспомнить нечистую силу...

Вислотский с прищуром уставился на княгиню:

– А вы, пожалуй, правы, Анна Павловна, – и продолжил, да только не о том, что Рагозина рассчитывала услышать, не про то, что подумает он о женитьбе, и не про то, что заинтересовала его тайна исчезновения серебряных ножей, – ваша правда, пора мне за дело взяться. Москва нынче пыльная да шумная. А как придёт жара, совсем невыносимо здесь сделается...

– Неужто в столицу вернуться решили? Лето там и вправду не такое душное. И служба ваша отечеству несомненную пользу принесёт. – Рагозина вздохнула с облегчением. Наконец ей удалось убедить графа сделать верный шаг.

Николай Алексеевич, опираясь на трость, поднялся с кресла, подал знак дворецкому и вновь обратился к своей гостье:

– Пожалуй, уеду на всё лето в деревню...

– Что ж, ваше сиятельство, – неожиданно сухо заговорила старая княгиня, – не стану лукавить, вы меня удивили. Значит, между действием и бегством вы выбираете бегство?

Граф равнодушно пожал плечами и небрежно заметил:

– Бегство – это тоже своего рода действие и зачастую очень даже энергичное. А у подруги вашей узнайте, что случилось раньше – пропажа первого ножа или появление нового сундука? И передайте, пусть проследит за тем, кто её столовое серебро в сундук тот по вечерам убирает. Думается мне, он-то и есть её воришка.

Вот так по воле случая или судьбы Николай Алексеевич засобирился в одно из своих загородных имений. Для бегства из Москвы, а главное, от княгини Рагозиной, была выбрана ближайшая от древней столицы деревня Белополе.

Глава 2

В сорока верстах от Москвы, в окружении лесов и полей, раскинулась эта деревня. Белополье, по средним имперским меркам, считалась зажиточной. Новые избы здесь возводились ежегодно, хлеб да коренья разные родились исправно, а уж молочных коров в каждом дворе было, и не по одной. Люд здесь жил размеренно и без оглядки. На барщину от каждого двора забирался лишь один мужик, остальные платили установленный оброк и были сим довольны. Такие порядки заведены были ещё при жизни старого графа Алексея Кирилловича Вислотского, такие сохранились и по сей день. Следил за оными деревенский староста, назначенный ещё до наполеоновского нашествия, нынче седобородый крепкий старик Антипий.

Имение находилось в получасе ходу от деревни. Здесь стоял просторный рубленый дом в два этажа, подле него Алексеем Кирилловичем был выстроен одноэтажный флигель, впоследствии соединённый арочной галереей с главным домом. На крыше же галереи была устроена продуваемая со всех сторон площадка, где в жаркие вечера любил обедать покойный граф со своею женой и малолетним сыном, при этом Алексей Кириллович строго-настрого запрещал Коленьке приближаться к краю, хоть и были там установлены крепкие дубовые перила. Какой же вид открывался с этой крыши! Сочные зелёные луга, серебряная змейка реки Ужовки, а за ней кудрявая дубовая роща. С другой же стороны, куда ни посмотришь, тянулись леса, словно на шахматной доске чередуя светлые и тёмные клетки из берёз, сосен и елей. Для дичи здесь было раздолье, и охота выходила на славу.

Известие о приезде барина, прибывшее на рассвете с посыльным, свершило в имении настоящий переполох. Суета и шум стояли в доме небывалые. Слуги поспешно раскрывали мебель, выбивали перины, натирали полы и зеркала. Дворовые сновали из комнаты в комнату, разнося и раскладывая по местам припрятанные в больших сундуках расшитые скатерти и полотенца, кружевные накидки и прочий необходимый в хозяйстве скарб.

Громко шаркая ногами и, несмотря на тёплую погоду, плотно кутаясь в грубой вязки шаль, по дому ходила старая нянька Матрёна Филипповна. Она уже много лет выполняла здесь роль экономки и сильно этим тяготилась. Была она крепостной, и не однажды старый граф предлагал ей вольную, но Матрёна наотрез отказывалась. Здесь её дом, и помереть она должна тоже здесь. А как старый хозяин умер да молодой уехал в Москву и носу в имение не показывал, осталась она при усадьбе доживать свой век и прислеживать за домом.

Порядок требовалось навести не только в комнатах, но и вокруг дома. Здесь помог Антипий, прислал полдюжины работников из деревни, и те споро вымели широкий двор и узкие извилистые дорожки меж пёстрых цветников. Лошадей по такому случаю свели на реку и натёрли им бока и спины до блеска, а хвосты с гривами вычесали так, как никогда за последний год не случалось. И к полудню не было ни одной живой души ни в имении, ни в деревне, кто не знал о предстоящем приезде барина.

В самой же Москве, в доме графа Вислотского оживление происходило не меньшее, чем в Белополье. Предстоял значительный переезд, в связи с чем вся домашняя прислуга, не имея свободной минуты, сбилась с ног, укладывая дорожные сундуки. За всем зорко надзирал Фома Лукич, да так ловко, что умудрялся быть в курсе дел всех своих подчинённых.

Николай Алексеевич решил не брать старика дворецкого с собой, ограничился лишь камердинером Осипом и парой лакеев. Остальную прислугу удобнее было взять из местных дворовых людей и крестьян Белополья. Именно из-за этого Фома Лукич возлагал на Осипа большую ответственность по присмотру за вещами графа по приезде в имение.

Атмосфера во флигеле, где проживал адъютант Вислотского Василий Громов со своей немолодой уже, но сохранившей стройность и приятность лица тёткой Глафирой Андреевной

Черновой, напротив, была пропитана унынием. Никогда ещё со дня поступления на службу к графу Василий не чувствовал себя столь несчастным и обманувшимся в своих ожиданиях.

Весь последний месяц Громова не отпускало предчувствие, что вот-вот произойдёт что-то важное и глобальное в его жизни. Хотя здесь Василий однозначно лукавил. Было это вовсе не предчувствие, а слухи и сплетни, что бродили по графскому дому и старательно молодым офицером выслушивались и визнавались. Слухи касались визитов княгини Рагозиной и её длительных бесед с графом.

Как только карета княгини уезжала со двора, Василий со всех ног мчался в буфетную и под предлогом, что Глафира Андреевна послала его за свежими бисквитными корзиночками или ещё каким лакомством, прислушивался к разговорам прислуги.

Как ни старался дворецкий оградить жизнь хозяина от проницательных лакеев и вездесущих горничных, как ни страдал их разными лишениями и наказаниями, но и он не смог. Подробности бесед Николая Алексеевича со старой Рагозиной неведомым образом разносились по дому. Но надо отдать слугам должное, пересуды не покидали стен графского особняка. То, что происходило в его стенах, здесь и оставалось. Ибо за подобные провинности лишением глаза не отделаешься, тут за саму жизнь опасаться стоило. Слуги это хорошо понимали и следовали этим правилам.

Чаще всего после визитов княгини толковали они о женитьбе графа и возвращении его в столицу к месту службы. Говорили, что состоял он на тайной службе в шибко секретном ведомстве, название которого никто не ведал.

До чего же Василию такого хотелось! Конечно, женитьба Николая Алексеевича могла привнести новые сложности, но что не выдержишь ради переезда в Петербург?

Но сегодняшний визит Анны Павловны, вернее, его последствия, перечеркнули все надежды и чаяния адъютанта жирным крестом.

– Николай Алексеевич велели собираться. Переезжают на всё лето в имение, – деловито заявил Фома Лукич и привычным жестом огладил свои параллельные полу усищи.

Вот тебе и столица, вот тебе и секретная служба. Теперь придётся прозябать в деревне, кормить тамошних комаров и жить ожиданием вернуться хотя бы в Москву.

– Как вы, милая тётушка, оказались правы, наемни вспоминая о прелестях деревенской жизни, – с грустью в голосе Василий обратился к Глафире Андреевне, – всё по вашему желанию и получилось.

– Ты всё напутал, Василь, то не желание моё было, а мечтание. – Чернова весело посмотрела на племянника. – Кабы не решение Николая Алексеевича, так бы и промаялись в душной Москве всё лето. Но какая же теперь вышла радость! – Улыбка озарила её лицо. – Непременно возьму с собой новую соломенную шляпку. Да только что с тобой, Василь?

– Была б моя воля, никуда б не поехал, – сердито отозвался тот. – И что мы станем в этой деревне делать? Скука смертная, каждый день одно и то же, никаких тебе происшествий...

– Ах вот ты про что думаешь? Значит, жизнь, по-твоему, из одних только происшествий должна состоять? Спокойствие не для тебя? – Женщина подошла к племяннику и ласково провела рукой по его волосам. – Не торопись, всё ещё у тебя будет...

– Ничего вы не понимаете, ведь так всё хорошо шло. Дела какие мудрёные распутывали. А теперь в деревню уезжать вместо столицы?

– О чём это ты, Василь, толкуешь? – удивлённо спросила Чернова.

Но Громов от обиды то ли на себя за неоправданные ожидания, то ли на графа за его решение лишь судорожно вздохнул и поспешил скрыться в своей комнате, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Глафира Андреевна взмахнула рукой и принялась указывать служанке, как следует уложить вещи, что взять с собой, а что отправить загодя. Василия она отчасти понимала и жалела, но ничем ему помочь не могла. Слишком он ещё молод и порывист. Пребывание в деревне

пойдёт ему на пользу. Решив так, женщина всецело погрузилась в хозяйственные заботы. Ведь ещё следовало потрудиться над комнатами, навести порядок, покрыть диван и кресла накидками, чтобы не выгорели и не запылились, и непременно спрятать все ценные вещи, что не планировалось взять с собой, под замок в небольшой деревянный сундук.

Чернова – по своей натуре деятельная, любившая во всем порядок – с увлечением поддавалась волнениям предстоящего переезда. Когда же со сборами во флигеле было покончено, она заглянула к Фоме Лукичу предложить свою помощь, что как раз оказалось кстати. Граф Вислотский ждал дворецкого к себе, чтобы выдать указания на время своего отсутствия, и Глафира Андреевна, появившаяся столь вовремя, продолжила руководить укладкой вещей. По возвращении же дворецкий выразил свои восхищения практическим навыкам Глафиры Андреевны, чем заставил её зардеться пуще обычного.

– Выходит, что ещё гожусь я на что-то в этом деле, – смущённо ответила женщина на похвалу, – дай бог и в имении мне работа найдётся. Устала я в городе бездельницей жить, скука от этого образуется. А не ровён час, и меланхолия начнёт одолевать.

– Уж не про вас это, сударыня, – звонко отозвался дворецкий, и его растопыренные в стороны усы заскакали вверх-вниз. – Когда граф не пожелал взять меня с собой, я уж было решил, всё пропало, а вот увидел, как ловко вы со всем управляетесь, так сразу и успокоился. С Василем да с Осипом, а главное, с вами не страшно мне Николая Алексеевича отпускать. Непременно всё хорошо в имении сложится. А я пока здесь кое-какие дела сотворю, граф решил небольшие переделки в доме организовать да освежить комнаты, что в последнее время стояли в запустении. Вот и оставляет меня для надзору.

По прошествии недели с последней встречи графа с княгиней Рагозиной крытый экипаж весь в дорожной пыли вкатился на просторный двор имения Вислотского. На козлах сидел чернобородый черкес Саид, даже в июньскую жару не снявший своей косматой папахи. Он гнал лошадей от самой Москвы, стараясь преодолеть путь поскорее, дабы закончить мучения своего хозяина, не любившего дальние прогулки. Легко соскочив наземь, кучер открыл дверь экипажа и выдвинул ступеньку.

Первым из кареты показался молодой офицер. Он был румян и свеж, а отпущенные недавно волосы – чуть длиннее общепринятого и уложенные особым образом с помощью воска – казались на редкость ему к лицу, делая Громова удивительно хорошим собой. Ещё Василий завёл новую привычку – пользоваться одеколоном – и уже дважды от этого сильно пострадал, получив строгие внушения от начальника за неуместное злоупотребление ароматом, более, по мнению графа, походившего на зловоние сточных канав Москвы.

Следом за адъютантом на воздух выбрался граф Вислотский. Бледное его лицо, сильно сжатые челюсти, отчего скулы обрисовались сильнее обычного, и вцепившаяся в трость рука ясно показывали, что дорога не доставила Николаю Алексеевичу ни минуты радости. Сверкая глазами, он только и искал, кому бы сделать выговор, чтобы тем самым отвлечься от боли в ноге.

– Почему нас никто не встречает как должно? – сквозь зубы процедил граф. – Совсем от рук отбились и позабыли, кто здесь хозяин. Ну ничего, скоро наведу здесь порядок... И где же второй экипаж?

– Отстал от нас ещё на городской заставе, – миролюбиво пробасил черкес. – Кабы стали его поджидать, ещё б добрый час в пути трястись пришлось.

– Эко всё плохо организовалось, – буркнул граф и недовольно покосился на спешащую к нему старую няню Матрёну.

Старушка низко поклонилась и, уставившись на графа подслеповатыми глазами, проследила от умиления, чем привела Николая Алексеевича в замешательство, сбив весь его гневный настрой.

– Какой же вы теперича солидный сделали, ваше сиятельство, совсем не узнать, – старушка неуклюже всплеснула руками. – А мы уж ждём-пождём вас с самой зари. Самовар давно кипит, и кофий ваш любимый готов... Проходите скорее в дом, там прохладно-с, а то, небось, упарились в дороге...

Умывшись с дороги, переменив одежду на свежую и приняв порцию микстуры, коей в значительном количестве было привезено с собой, Николай Алексеевич испил несколько чашечек кофе и почувствовал себя гораздо лучше. Раздражение, преследовавшее его с самого утра, отступило. Вокруг всё было родным, до неожиданного щемления в сердце уютным и спокойным. Но не за этим приехал сюда Вислотский. И княгиня Рагозина, несомненно, удивилась бы, узнай она истинную причину бегства графа из Москвы.

Это вовсе было не бегство, а сознательная поездка, о которой Николай Алексеевич размышлял уже не первый день. Ему надо было попасть именно в этот дом, вернее, в одну из его комнат. Изначально, опасаясь за переезд, он подумывал, не послать ли сюда Громова одного, но потом, увидя в этом способ избавиться от притязаний Анны Павловны, граф решил ехать сюда лично.

– Ну как там? – поспешно спросил он Василия, когда тот появился в комнате.

– Всё готово, Николай Алексеевич. – Адъютант энергично кивнул.

Вислотский поднялся и с детства знакомым ему маршрутом отправился в библиотеку отца, вернее, теперь уже свою библиотеку. Первым, что он увидел, оказался большой прямоугольный свёрток, что был привезён им из Москвы, но теперь он был раскрыт. Внутри находился портрет Алексея Кирилловича в полный рост с раскинутыми в стороны и согнутыми в локтях и кистях руками. Этот портрет накануне поездки в имение был снят с дальней стены кабинета Вислотского в московском его особняке, тщательным образом упакован и закреплён на крышу кареты, чтобы избежать повреждений в пути.

– Отлично, отлично, – пробормотал граф, подходя к портрету и вглядываясь в нестарое ещё лицо отца. Таким он его плохо помнил. – А где второй?

– Несут, – взволнованно отозвался Василий.

Заслышав за дверью шаги, он выскочил из библиотеки и вскоре вернулся, держа в руках точно такой же портрет Вислотского-старшего.

– Они его для лучшего сохранения в тёплом чулане держали.

В дверь заглянула повязанная цветастым платком голова няни.

– Ой, батюшки-святюшки, что же это? – тоненько пропела она, с изумлением оглядывая два одинаковых портрета. – Их два, что ли, было?

– Второй я из Москвы привёз, – добродушно отозвался Николай Алексеевич; вид растерянной нянюшки, несомненно, его насмешил. – Буду ставить эксперименты...

Услыхав незнакомое и непонятное слово, няня охнула, перекрестилась сама, потом быстрым вороватым движением покрестила Вислотского и на всякий случай Громова и, что-то бормоча под нос, скрылась за дверью.

– Свечку побежала ставить за спасение моей души, – хмыкнул граф. – Знать, не по нраву ей мои эксперименты...

– Так в чём же они, эти эксперименты, заключаться будут? – не скрывая любопытства, спросил Громов. – Вы обещали рассказать, как только окажемся здесь.

Адъютант всё ещё не смирился с провалом надежд о переезде в столицу, но действия начальника со странным портретом его заинтересовали. Хотя что героического может быть в портрете старика? А вот то, что таких портретов оказалось два, действительно могло содержать загадку.

– Если честно, то я пока и сам не до конца уверен. Так, предполагаю кое-что, – туманно ответил граф. – Да только не давал мне этот портрет покоя.

Вислотский указал на полотно, что привёз он с собой из Москвы.

– Никогда я за батюшкой самолюбования не замечал. Скорее наоборот, принципиально предпочитал он избегать разного рода излишеств. А вот увидел этот портрет, и вспомнилось мне, что почти везде, где бы мы ни жили, этот портрет присутствовал. Вот и получалось, либо граф Вислотский так его сильно ценил, что повсюду возил с собой, либо в каждом нашем доме было по такому портрету.

– Эко интересно получается. – Громов внимательно разглядывал то один портрет, то другой.

– А так как граф Алексей Кириллович, по всеобщему признанию, был человеком весьма аскетичным, вот и подумалось мне, что таких портретов несколько. Я оказался прав. Как минимум их уже два. И вот теперь вижу, что они разные...

Отступив на шаг назад, адъютант сказал:

– Разве что выверты рук и ног графа. Всё остальное же совершенно одинаково. Деревья, цветы, даже птицы изображены в одних и тех же местах.

Это было действительно так. На двух картинах фон повторялся как в зеркале, лишь позы, которые изображал старый Вислотский, отличались. Хотя это на первый взгляд. И Николай Алексеевич собирался об этом поразмышлять. А коли нашлась вторая картина, значит, в столичном особняке Вислотских такая тоже имелась. И в каких-то из дальних имений тоже.

– Интересно, много ли таких портретов ещё существует? – Громов будто прочёл мысли начальника.

– Надо их все в одном месте собрать и сравнить... – задумчиво сказал граф и, опустившись в кресло, стал переводить взгляд с одного полотна на другое и обратно.

Глава 3

Потекли дни. Постепенно уклад сделался размеренным и привычным, что принесло Николаю Алексеевичу облегчение. Воздух в Белополье и впрямь оказался свежее городского, вечерняя прохлада дарила умиротворение, а невероятной красоты закаты стали излюбленным временем Вислотского. Он поднимался на крышу галереи, устраивался в мягком, специально принесённом для него кресле, ногу укладывал на пухлую бархатную табуреточку и предавался созерцанию неба.

Остальное время было не столь приятным, но вполне терпимым для графа. Он даже стал ловить себя на мысли, не перебраться ли в деревню насовсем. Благо соседи здесь оказались неназойливыми и, поначалу завалив его приглашениями отобедать или поохотиться вместе, вскоре смирились с молчанием графа и оставили его в покое. И как же сладка была мысль, что княгиня Рагозина никогда сюда не доберётся. Хотя от этой старой особы можно было ожидать чего угодно.

Но вскоре безмятежность Николая Алексеевича вновь подверглась испытанию. Источником беспокойства попытался стать местный приказчик Савелий Михайлович Ревизов. В один из дней он испросил дозволения на короткий разговор и не умолкал больше часа, расписывая строгость порядков, кои завёл здесь старый граф и кои по сей день неукоснительно соблюдались благодаря одному лишь приказчику.

Жаловался Ревизов на деревенского старосту Антипия, что, мол, он крестьян покрывает, все послабления им выспрашивает, сам же живёт в преступной зажиточности и каждому из своих сыновей срубил по новой избе. Савелий Михайлович был крайне недоволен хорошим житьём, что вели крепостные в Белополье, и высказывался по сему поводу категорическим настоянием на увеличении оброка и перечня работ, что вменялись в обязанности графским мужикам. Под конец же досталось от него няньке Матрёне Филипповне.

– Старая она, еле ходит да хозяйство ведёт плохо, – беспрестанно загибая короткие пальцы, перечислял приказчик, – считать-то совсем не умеет и ко всему прочему страдает слабоумием...

Мысль же, к которой так старательно вёл Ревизов, вскоре обнаружилась. Вот кабы подрядить к этому делу его жену...

От подобных речей у Николая Алексеевича случился новый приступ ножной судороги, требующий немедленного употребления микстуры.

На звон колокольчика в дверях появился Осип, а вместе с ним и Глафира Андреевна, что было очень кстати. Рассудительная и хозяйственная тётушка адъютанта графу нравилась. Когда же продолжающий свой доклад управляющий оказался бесцеремонно прерван её вопросом, что же здесь за хлебы такие пекут, коли на них муки в полтора раза больше требуется, нежели в Москве, чем ввела его в полное замешательство, граф с нескрываемым интересом взглянул на Чернову.

– Как у вас это хорошо получилось, – серьёзно сказал граф. – Фома Лукич говорил мне про ваши практические наклонности, да я, признаться, не сильно в них поверил. А теперь вижу...

Глафира Андреевна в смущении опустила глаза.

– Не могу я спокойной оставаться, коли непорядок какой вокруг себя нахожу, – скромно ответила она, хотела замолчать, но не сдержалась: – Уж тем более когда этот непорядок в столь уверенно произносимых речах. Их или глупец говорит, что за умного себя выдать хочет, или хитрец с дурным умыслом.

– Да что же, милая сударыня, вы такое говорите! – залепетал насмерть перепуганный Ревизов. – И в мыслях такого у меня не было. Всё ж у меня в книгах хозяйственных зафиксировано! За каждую копейку отчёт дать могу.

Николай Алексеевич от подобного разговора, в коем активной роли своей не усматривал, да от принятой микстуры повеселел. Наблюдать за беседой о хозяйственных делах со стороны сделалось не так мучительно. Спустя некоторое время графу пришла идея.

– Так может, Глафира Андреевна, возьмётесь здесь похозяйничать? Коли обузою вам это не будет? Матрёша уж сильно стара для этого дела. А с Савелием Михайловичем, я смотрю, вы уже ладили.

Раскрасневшаяся от спора женщина удивлённо взглянула на Вислотского, пригладила и без того аккуратно уложенные волосы и сказала:

– С удовольствием, – и, проворно взяв под руку остолбеневшего от подобной смены власти приказчика, увлекла его за собой, чем доставила графу еще большее удовольствие и сильное облегчение.

С этих пор порядку в доме прибавилось. Савелий Михайлович ещё раз попытал счастья избавиться от надзора Глафиры Андреевны и втянуть Вислотского в хозяйственные дела, в результате чего был не по-доброму незамедлительно выставлен за дверь. После этого, опасаясь впасть в сильную немилость, примирился со своею судьбой и по каждому вопросу стал обращаться исключительно к этой напыщенной горожанке.

Горожанка же оказалась истинной провинциалкой! С первыми лучами солнца она уже сидела у раскрытого окна, до самых краёв наполняла чашку чаем и с аппетитом завтракала. После этого, обрядившись в лёгкое домашнее платье и приладив к поясу особую теперь её гордость – изящный серебряный шатлен¹ с множеством подвесов, – отправлялась обходить дом.

Ежедневные утренние обязанности Глафиры Андреевны включали в себя множество дел. Перво-наперво она заглядывала на кухню и распоряжалась о том, что нынче следует готовить, когда и куда подать. Далее проверяла порядок во всех общих комнатах и отдавала распоряжения слугам. Всё это Глафире Андреевне ужасно нравилось, особенно наблюдать результат своих трудов, когда в доме всё исполнялось правильно и в срок.

Правда, немало пришлось повозиться с местными дворовыми людьми, чтобы завести московский порядок, по которому не стоило им попадаться графу на глаза, но по прошествии двух недель правило было усвоено.

– Вас просто не узнать, тётушка, – Василий взял руки женщины в белых коротких перчатках и нежно их поцеловал, – вы будто светитесь! Хоть кому-то здесь хорошо...

– Ты же знаешь, Василь, как я люблю деревню! Здесь и небо со всех сторон, и ветер гуляет где хочет. Заскучала я в городе. А здесь как будто в начало жизни вернулась, снова молодой сделалась, – радостно отозвалась Глафира Андреевна. – Да и дело мне здесь нашлось.

Женщина с гордостью дотронулась до шатлена на своём поясе. На тонких цепочках мерно покачивались ключи всевозможных размеров, искусной работы ножнички в форме птичьей головки, круглое зеркальце и прочие полезные вещицы. Окинув племянника придирчивым взглядом, она заметила:

– Опять из дому на весь день уедешь?

Громов деловито кивнул и покосился на свои сверкающие, только что начищенные сапоги:

– С Саидом решили проехаться вдоль Ужовки до дальней границы владений, там, говорят, луг есть, где коня можно до удивительной скорости разогнать.

¹ Шатлен – это старинный аксессуар в виде цепочки с зажимом, который крепился к поясу одежды. Шатлен предназначался для ношения различных функциональных предметов, таких как ключи, ножницы, кошелек, часы и прочие бытовые мелочи.

– Уж не тот ли это луг, о котором давеча Антипий сказывал? – охнула Чернова и с испугом посмотрела на племянника.

Василий лишь виновато пожал плечами, ну не мог он соврать своей тётушке. Луг был именно тот, и слава о нём ходила дурная. Поведал им деревенский староста Антипий, что на том лугу аккурат перед самой кончиной старого барина сын его с необъезженного жеребчика так полетел, что до конца жизни теперь расплачиваться будет. И что история тогда тёмная вышла, будто был там Николай Алексеевич не один, но об этом никому никогда он не сказывал. Самое же печальное случилось после. Невеста его, с коей брак уж давно оговорён был, прекратила всякие встречи с калекой и вскорости оказалась обвенчана в Петербурге с другим. А тут и старый граф помер. Вот и получилось, что луг тот коварный всю жизнь молодому барину изувечил. На дальнейшие же расспросы, особенно про неслучившуюся жену Николая Алексеевича, Антипий отвечать отказался и поспешил уйти, пожалев, что и без того дал лишнюю волю своему языку.

– А ежели Николай Алексеевич об этом прознает, тогда попадёт и тебе, и Саиду, будь покоен, – сердито закончила тётушка. – В березняк бы за грибами сходили аль в речке поплескались, и то лучше б было.

Лучше бы оно лучше, да как же утерпеть и не посмотреть тот луг. Вот и Саид этим сразу загорелся, говорит, мол, заметил он в конюшнях парочку перспективных лошадок, рыжую длинноногую да гнедую с белой звездой на морде. Глазища злющие, зубами за рубаху ухватить пытаются, коли рядом проходишь, вот из таких-то самые верные кони и выходят, ежели подход к ним найти. Предложил Саид взять этих двух коников да устроить состязания в скорости, а заодно поупражняться в стрельбе из пистолетов на ходу. Громов всю ночь об этом приключении грезил, и никакие запреты и наставления тётушки ему в этом помешать не могли.

Что же касательно портретов, то здесь дела шли не так споро, как того хотел граф. Гонцы в разные стороны были отосланы, но вестей пока не поступало. Проведённые же часы за сравнением двух имевшихся в распоряжении Вислотского портретов пролетали впустую. Это повергало Николая Алексеевича в уныние, ибо не приближало его хоть к малой ясности.

Помимо этого были обстоятельства, которые граф не учёл. Это были воспоминания, нахлынувшие на него в первые же дни после приезда и лишившие его сна. Место, пропитанное родительской любовью и заботой о нём, вызывало то сладкую горечь минувших и невозвратных времён, то неожиданный стыд за дурные свои поступки. Другие же воспоминания, накрывшие графа не сразу, а спустя несколько дней, болезненные и колкие, от которых по ноге проходила судорога, а сердце так отчаянно колотилось в груди, что делалось нестерпимо жаль себя, – вот от этих воспоминаний следовало избавиться раз и навсегда. Но задача была непростой.

Сбежав из Москвы от притязаний назойливой старой княгини, граф прогрузился в не менее тягучую пучину прошлых времён, от которой простое бегство не помогло бы. Ведь теперь не только стены дома, но и окружающие люди, пусть и постаревшие за эти три года, но всё ещё живые и помнящие, вот эти люди и приводили Николая Алексеевича в беспокойство и волнение. Правда, никто вслух об том не говорил, только однажды старая нянюшка Матрёна Филипповна подошла к Вислотскому и ласково так спросила:

– Николенька, дружок, а что ж твоя зазнобушка к нам давно не кажется? Не случилось ли чего с ней?

На что Вислотский с горькой усмешкой ответил:

– Ты не волнуйся, Матрёша, всё-то у неё хорошо. Ты лучше сама поди отдохни.

– Вот и славно-с, – с поклоном ответила нянюшка и удалилась в свою комнатку за кухней, где проводила теперь большую часть времени.

В поисках отвлечения и попытках изменить внутреннее своё состояние граф теперь часто посещал отцовскую библиотеку. Поначалу он разглядывал и сравнивал портреты, пока не изу-

чил их настолько, что мог представить все детали по памяти. Дальше дело не пошло, и граф переместил внимание на книги. И если для московского особняка графа такое количество томов было не удивительно, то собрание, что Вислотский обнаружил здесь, в имении, поразило его. В последние годы жизни отца он сюда заходил крайне редко, а книжные шкафы отпирал ещё реже.

Теперь ежедневно Николай Алексеевич закрывался в библиотеке и погружался в чтение. А в перерывах он, как мальчишка, с непривычным для него азартом изучал содержимое старого письменного стола, где, как оказалось, отец хранил его детские каракули.

От этого новая волна образов и воспоминаний о давно минувших событиях захлестнула графа. Как учил его отец буквы читать да цифры считать, а потом стал придумывать зашифрованные записочки для сына и в разные неожиданные места их раскладывать. Бывало, поднимет Никола кружечку, полную молока с земляникой, а под ней сложенный листочек лежит. Радость в такие моменты наполняла детское сердце, ведь предстояло увлекательное приключение. А ежели кто из прислуги записочку находил, то прочесть никак не мог, хоть и был обучен грамоте. Ведь шифр знали только отец и сын.

Так просиживал Вислотский обычно до сумерек, когда приходил Осип и, напоминая о времени, помогал графу подняться на крышу галереи. Сегодня же вместе с камердинером заглянула Глафира Андреевна.

– Николай Алексеевич, какой нынче славный вечер. Не хотите ли немного развлечься? – прямо с порога поинтересовалась женщина, она была возбуждена, но старательно это скрывала.

Хотя от графа её такое состояние не ускользнуло. Лёгкие шаги он слышал ещё за дверью, а по мелодичному позвякиванию ключей на подвесах шатлена сделал вывод, что Чернова отчего-то торопится.

– Во дворе собаки больше обычного брехали, уж не гости ли к нам пожаловали? – не отрывая взгляда от пожелтевшего листа бумаги, что держал в руке, спросил граф. – Да только конского топота я не слышал.

– От вас ничего не укроется, – с почтением в голосе ответила женщина, – странник это переходный. Шёл через Белополье, вот Антипий его к нам и послал. Сказки уж больно интересные этот старичок рассказывает.

– Сказки, говоришь, – Николай Алексеевич теперь рассматривал бумагу на просвет и сильно при этом хмурился. – Ничего не могу понять...

– А чего ж тут непонятного, – пожала плечами Чернова, – сказки – они и детям, и старикам в радость.

– И кто же мы, по вашему разумению, будем? Дети иль старики? – Наконец, отложив листок в сторону, Вислотский удостоил женщину внимательным взглядом. – Можно и сказки послушать, только после. Небо сегодня весь день ясное было, закат обещает быть сказочным.

Исписанный лист, что Вислотский нашёл меж страниц пособия по распознаванию полезных и ядовитых растений и вот уже некоторое время рассматривал, граф спрятал в ящик стола. Затем, подцепив одним пальцем трость, стоявшую рядом, медленно поднялся и заковылял из библиотеки.

Глава 4

Закат и впрямь выдался удивительным. Поперву небо желтеть принялось, да вскоре передумав, окрасилось алым. Подсвеченные лёгкие пёрышки облаков, что к вечеру образовались у самого горизонта, необычным образом преломляя свет, отливали пурпуром. Николай Алексеевич продолжал думать о своём, а под конец даже вздохнул.

Не отпускали его мысли о недавней находке. Вроде лист как лист, жухлая бумажонка, вырванная из тетради. А на ней текст, несомненно, выведенный отцовской рукой. Текст зашифрованный, что не удивительно. Ни под один ключ, что были в арсенале Вислотских и так ловко использовались ими для тайных переписок, текст не подходил. И книга, по которой можно было привычную азбуку вывернуть и знакомые слова перевернуть в доселе неизвестные, тоже помочь не смогла. Всё испробовал Николай Алексеевич, но получалась лишь сплошная галиматья и непонятца. И как же это было замечательно!

И выходило так, что этот злополучный листок, что столь нетактичным образом попался на глаза и помешал насладиться нынче красотой неба, оказался именно тем, что граф стремился и рассчитывал найти в библиотеке. Шифр, не поддавшись с наскока, заставил Вислотского вспомнить о терпении. Отец часто говорил ему, что терпеливое настойчивое раздумье, направленное на конкретную цель, способно принести верные плоды. И вот теперь граф, напрочь позабыв о своих душевных переживаниях и болезненных ощущениях в искалеченной ноге, позволил мозгу погрузиться в работу, в поиски решения этой загадки.

А небо вновь переменилось. Что-то тревожное, неуютное надвигалось со всех сторон. Раскидистые березы, окружавшие барский двор, стояли чёрными теньями и изредка, тронутые ветром, издавали сухое шуршание. Ни собачьего лая, ни ржания лошадей, привычных об эту пору, слышно не было, лишь слабый обволакивающий шелест, словно всплески волн, что бегут по кроваво-красному небесному озеру.

Зазвенели шаги, разрушая таинственность момента.

– Ух, до чего же красиво! – Василий Громов застыл, едва оказался на крыше, и заворожённо уставился в даль. – А меня тётушка послала за вами, вас все ждут.

Отношения между графом и его адъютантом сделались в последнее время совсем дружескими. Громов уже не так робел перед начальником, а Вислотский наконец увидел в молодом офицере любознательного собеседника, готового впитывать всё, чем считал нужным поделиться граф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.